РОССИЯ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ XX ВЕКА

Е. Е. Красноженова, С. В. Кулинок

К вопросу об использовании немецкой разведкой гражданского населения СССР в 1941–1944 годах

**Красноженова
Елена Евгеньевна**
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
политехнический
университет
Петра Великого
(Санкт-Петербург,
Россия)

**Кулинок
Святослав
Валентинович**
канд. ист. наук, зав.
отделом публикаций,
Национальный архив
Республики Беларусь
(Минск, Республика
Беларусь)

Деятельность немецких спецшкол и подготовка агентурных кадров на территории СССР до настоящего времени не становилась объектом самостоятельного комплексного анализа. В послевоенных работах исследование темы осуществлялось через призму изучения противостояния советских и немецких спецслужб¹ либо в контексте деятельности «лесных солдат» (аспекты, связанные с разведкой и контрразведкой)². В начале 2000-х годов вышло несколько трудов, посвященных отдельным аспектам подготовки немецкой разведывательно-диверсионной агентуры на Восточном фронте³, однако вопрос привлечения гражданского населения в них практически не рассматривался.

Почти сразу после возникновения общей границы между Германией и Советским Союзом немецкие спецслужбы приступили к обучению своей разведывательно-диверсионной агентуры для заброски на территорию СССР. Основным местом подготовки этих кадров становится территория генерал-губернаторства — земли бывшей Польши. Обучение агентуры велось по двум основным направлениям: стационарному и индивидуальному. В первом случае курсантов готовили в специальных школах и на курсах⁴, во втором — в индивидуальном порядке на конспиративных квартирах либо проводили лишь краткий инструктаж⁵.

Уже в октябре 1939 г. советские органы госбезопасности разоблачили ряд агентов германских спецслужб на территории западных областей УССР и БССР⁶. Например, в городах центральной и восточной Украины органы НКВД УССР в 1939–1940 гг. выявили и обезвредили 20 резидентур немецкой разведки в составе 64 агентов. В пограничной полосе Германии с территорией Украинской ССР органами НКВД было «выявлено 14 разведывательных пунктов абвера и 20 пунктов гестапо»⁷. Органы НКВД БССР в декабре 1940 г. получили данные о 30 отделениях и разведпунктах немецких разведслужб, через которые осуществлялась заброска агентуры на территорию СССР⁸. По данным российского историка М. Семиряги, на территории Польши действовало около 100 учебных пунктов по подготовке и заброске в СССР разведчиков и диверсантов. За 11 предвоенных месяцев удалось задержать около 5 тыс. вражеских лазутчиков⁹.

Накануне нападения на Советский Союз перед немецкими спецслужбами были поставлены три основные задачи: обеспечение внезапности военного нападения на СССР; сбор разведывательных данных военного, экономического и политического характера; создание пятой колонны. Определяющая роль при решении данных задач принадлежала агентурной работе. Для реализации разведывательно-диверсионной работы против СССР перед началом кампании и в ее ходе были созданы специальные органы и структуры абвера (штаб «Валли», «Зондерштаб-Р»)¹⁰ и РСХА (орган «Цеппелин»).

В начале войны немецкая разведка ориентировалась на массовое использование слабо подготовленных агентов. Продолжающееся отступление советских войск, отсутствие сплошной линии фронта, значительная протяженность фронтовых коммуникаций — все это создавало условия для безнаказанного проникновения агентуры противника в советский тыл¹¹. Только за второе полугодие 1941 г. особысты Западного фронта арестовали и разоблачили более 500 агентов противника¹². На других фронтах за период с начала войны по февраль 1942 г. было выявлено более 900 немецких агентов¹³.

С самого начала боевых действий и до окончания войны основной контингент немецкой агентуры вербовался из среды советских военнопленных. В годы Великой Отечественной войны в немецком плену, по разным данным, оказалось от 4,5 до 5,7 млн советских солдат и офицеров, из них около 57% умерло от голода, холода, болезней и нечеловеческих условий содержания¹⁴. Абверовцы активно использовали при вербовке именно тяжелые условия содержания (а фактически — выживания). Тем, кто соглашался на сотрудничество, давали дополнительное питание, одежду, переводили в теплые помещения, освобождали от работ. Кадровый сотрудник немецкой разведки Пауль Леверкюн в своих воспоминаниях указывает, что именно военнопленные чаще всего использовались в качестве агентов¹⁵.

После провала блицкрига и перехода войны в затяжную стадию происходит переориентация немецких спецслужб на «тотальность» в работе. Это проявилось, в частности, в том, что начинается целенаправленная и систематическая работа по привлечению гражданского населения оккупированных областей (прежде всего наименее защищенных категорий — женщин и детей)

к разведывательно-диверсионной работе в пользу немцев. Чем же был вызван такой переход в работе немецких спецслужб?

Во-первых, женщины и дети составляли наиболее крупные категории населения, оставшегося в оккупации. Например, на территории Восточной Беларуси число женщин достигало 70 % от общего количества населения¹⁶. На оккупированной территории БССР осталось примерно 85 % детей до 16 лет, т. е. 3,7 млн чел.¹⁷ Так, в Минске несовершеннолетние дети составляли почти 45 % общего количества жителей. Летом 1942 г. немецкие спецслужбы активизировали работу по подготовке диверсантов на Сталинградском направлении, Северном Кавказе, в районе Нижней Волги. В поле зрения спецслужб противника в Сталинграде оказались советские военнопленные, гражданское население, в первую очередь женщины и дети¹⁸.

Во-вторых, социальная незащищенность этих групп давала разведчикам противника возможность применять различные способы для вербовки. На женщин от 15 до 55 лет распространялась принудительная трудповинность. На протяжении всего оккупационного периода они становились объектами агрессии (шантаж, расстрелы, изнасилования, осквернения материнских чувств)¹⁹. Такая ситуация вынуждала многих женщин заниматься проституцией. В одном из партизанских отчетов за февраль 1942 г. указывалось: «Во всех городах организованы дома терпимости. В дома терпимости насильно завезены колхозные и городские девушки в возрасте примерно от 15 до 26–28 лет»²⁰. В этих заведениях часто осуществлялась вербовка.

В-третьих, женщинам-агентам было легче составить легенду для их внедрения в партизанские отряды, например под видом спасающихся от отправки в Германию²¹, бежавших с принудительных работ или прячущихся от карателей. Аналогичные легенды давались и детям-диверсантам.

Анализируя методы вербовки немцами гражданского населения, сотрудники особых отделов партизанских соединений указывали, что одним из способов вербовки и контроля своих агентов было семейное заложничество²².

Использование женщин в разведывательной работе поощрялось и немецким руководством. В докладе уполномоченного рейсхфюрера СС по борьбе с партизанами на центральном участке фронта Э. фон Бах-Зелевски указывалось, что в качестве шпионов целесообразно применять местных жителей, прежде всего девушек и женщин, а также стариков и детей²³. В другом документе отмечалось, что немецким вербовщикам, работающим среди гражданского населения, необходимо активно привлекать женщин и детей младшего возраста²⁴.

Привлечение детей к разведывательно-диверсионной работе практиковалось немецкой разведкой на всей территории СССР и на протяжении всего периода оккупации. Первые сведения об использовании несовершеннолетних в качестве агентов относятся к концу июля — началу августа 1941 г. В то время подростки привлекались для простейших разведывательных заданий в прифронтовой полосе, совершения диверсий, а также в качестве сигнальщиков для немецкой авиации²⁵. Об этом в своих исследованиях пишет российский историк Б. Н. Ковалев²⁶.

Уже в 1941 г. делались попытки стационарной подготовки детей для разведывательно-диверсионной работы. Традиционно считается, что такая подготовка началась весной 1942 г. и связана с деятельностью детских школ в Мценске, Белгороде, Славянске, в селениях Райгородок (Сталинская область) и Протопопово (Харьковская область)²⁷. Однако в фондах Национального архива Республики Беларусь удалось обнаружить документ, датированный началом августа 1941 г., в котором сообщалось, что в деревне Кремное (сейчас — Туровский сельсовет Житковичского района Гомельской области) немцы организовали трехдневные курсы для подростков 13–14 лет. В первую очередь туда набирались дети репрессированных и врагов народа. Курсантов готовили для совершения терактов против командиров Красной армии и партийного актива. Прошедших курсы вооружали наганями и забрасывали в советский тыл. Этот же контингент использовался и в качестве разведчиков²⁸.

В рапорте сотрудника 4-го управления НКГБ БССР подполковника В. Пудина на имя П. Судоплатова отмечалось, что в Могилеве действовал некто Василий Лукашов, который «осенью 1941 г. вербовал молодежь в немецкие разведывательные школы из учеников старших классов»²⁹.

Советское военное командование было хорошо осведомлено о методах работы немецких спецслужб и подготовке агентурных кадров. Начальник управления госбезопасности по Ленинградской области П. Кубаткин в изданной в 1942 г. работе приводил ряд примеров использования немецкими и финскими спецслужбами детей³⁰. За вторую половину 1941 г. военные трибуналы Ленинградского фронта осудили 3308 чел., в том числе 847 чел. приговорили к расстрелу за измену Родине³¹. Начальник Центрального штаба партизанского движения (далее — ЦШПД) П. Пономаренко в 1943 г. отмечал: «Практикуется засылка детей, тренируемых под страхом смерти в специальных детских школах»³².

Сроки обучения агентов в спецшколах и на курсах могли значительно отличаться: от нескольких недель (вечерние курсы в местечке Семежево)³³ до трех месяцев (школы в Спас-Деменске и курсы в местечке Сосны)³⁴ и даже до полугода (абвершкола в Гомеле)³⁵. Южнее Мамаева Кургана в Сталинграде действовала абвергруппа «Сталинград». Курс обучения в ней длился две недели³⁶. Практиковалось как отдельное обучение указанных категорий³⁷, так и смешанное³⁸. Преподаваемые дисциплины зависели от профиля учебного центра (разведывательный, диверсионный) и специализации агентов. Можно приблизительно указать перечень типовых предметов и курсов, которые преподавались немецким агентам: организация, комплектование и вооружение Красной армии; политико-моральное состояние личного состава Красной армии; транспорт СССР; промышленные и военные объекты; военная топография; организация и деятельность советской контрразведки; способы переброски агентуры в тыл Красной армии и методы легализации; добыча и передача разведывательных данных; методы конспирации; радиодело и работа на ключе (для радистов); история партизанских отрядов; составление радиogramм, донесений и отчетов; развитие слуховой и зрительной памяти; физическая подготовка;

история НСДАП и «Новый порядок» в Европе. В ряде школ преподавали основы фармакологии и работу с отравляющими веществами³⁹.

Отметим, на наш взгляд, важную деталь: женщины и дети использовались в первую очередь для агентурной работы против городского подполья и партизанского движения. Особенно это характерно для регионов, где было сильно развито движение Сопротивления (БССР, северная Украина, северо-запад РСФСР, Смоленщина и др.). Заброска в части Красной армии и советский тыл осуществлялась значительно реже. Можно выделить следующие виды заданий, которые давались «агентам в юбках» и несовершеннолетним диверсантам:

— разведывательная работа: сбор данных экономического и военного характера в прифронтовой полосе и глубоком тылу СССР, а также выявление мест и лагерей партизан, их количества, вооружения и командования на оккупированных территориях; например, начальник спецгруппы по городу Бобруйску Д. Марков в одном из отчетов указывал на активную работу немцев по отправке в разведку подростков в возрасте от 10 до 16 лет⁴⁰. Несовершеннолетним агентам (обоих полов), обучавшимся в спецшколе в Смоленске, ставилась задача разведать фамилии командиров и комиссаров отрядов, систему охраны партизанских лагерей⁴¹;

— диверсионная деятельность: подготовка и осуществление терактов в отношении командно-политического состава Красной армии и партийного актива; диверсии и саботаж на производстве и промышленности; индивидуальный террор в отношении руководителей партизанских формирований (массовые диверсии путем отравления пищи, медикаментов и воды). Очень часто эти задания комбинировались. В январе 1943 г. руководство штаба партизанского движения Краснодарского края разослало в партизанские формирования региона сообщение, в котором указывалось, что противник усиленно подготавливает и забрасывает в партизанские отряды девушек для шпионской и диверсионной работы, снабжая их ядами для отравления источников питьевой воды⁴². В июне 1943 г. была разоблачена группа женщин-террористов во главе с фельдшером отряда им. Ворошилова К. Забелиной, которая являлась старшей в группе из пяти человек, завербованных Крупской комендатурой, а отравляющие вещества получивших в аптеке в Орше. Вещества хранились в отрядной аптечке; теракт планировалось провести через отравление пищи; в последний момент было замечено, что готовившаяся пища изменила цвет, и массовое отравление удалось предотвратить⁴³.

Одним из способов внедрения в партизанский отряд девушек и женщин становилось вступление в интимные отношения с командным составом. В условиях войны факты наличия ППЖ (походно-полевых жен) были распространенным явлением. Секретарь Витебского обкома ЛКСМБ (Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии) Н. Башкинцев в докладной записке от 23 декабря 1942 г. приводил такой случай: в конце октября 1942 г. были пойманы две шпионки, засланные с целью разведать расположение партизанских отрядов и аэродрома. Обеих приговорили к расстрелу, но комбриг Д. Ф. Райцев даровал одной из них жизнь за сожительство с ним⁴⁴.

Зная «напряженное» положение с женским полом в партизанских соединениях, немецкие спецслужбы пошли дальше: они стали умышленно заражать женщин-агентов различными болезнями и засылать в партизанские соединения. В разведсводке от 6 марта 1944 г. указывалось, что немецкие разведорганы из г. Вилейка забросили в партизанские бригады несколько женщин, больных сифилисом, с целью заражения партизан, в первую очередь комсостава⁴⁵. Через пять дней во все партизанские соединения БССР была послана радиограмма за подписью заместителя начальника ЦШПД С. Бельченко, в которой сообщалось о том, что в последнее время немецкая разведка усиленно забрасывает в партизанские зоны агентов-женщин, зараженных сифилисом⁴⁶.

В ряде случаев деятельность немецких «агентов в юбке» была успешной. Помощник начальника разведывательного отдела Белорусского штаба партизанского движения Ф. Ильющенков в октябре 1943 г. докладывал в ЦШПД о том, что в отделении боепитания 1-й антифашистской бригады работает Зина Гидкова, которая с декабря 1942 г. добровольно перешла на сторону немцев из партизанской бригады Сазонова (действовавшей в Могилевской области). Гидкова лично привела в расположение бригады крупный карательный отряд немцев, которые, обнаружив бригаду, в основном уничтожили ее, а комбрига Сазонова после жестоких издевательств повесили⁴⁷.

За выполнение заданий немецкой разведки полагалось вознаграждение. Система поощрения своих агентов была прописана в Боевом наставлении по борьбе с партизанским движением на Востоке от 11 ноября 1942 г. В п. 101 указывалось: «Готовность к сотрудничеству должна поощряться оплатой. Оплата может производиться деньгами, натурой (продуктами, табаком, вином). Здесь же необходимо, чтобы все инстанции, руководящие осведомителями, выдавали последним дополнительные порции продуктов питания, паек, табак и вино»⁴⁸. Традиционным поощрением были денежные выплаты или наделение землей. Например, несовершеннолетним шпионам из Барановичей за разведданные обещали вознаграждение в 3 тыс. руб. и 10 га земли⁴⁹. В условиях всеобщего голода и нужды часто использовалось материальное вознаграждение товарами широкого потребления⁵⁰.

Сеть учебных центров на территории СССР, где готовилась агентура из числа детей и женщин, была значительной. Только на оккупированной территории БССР открылось более 20 школ и курсов, где готовили «агентов в юбках», и 16 — для несовершеннолетних⁵¹. Аналогичные разведывательные центры активно действовали и на других территориях СССР. Более половины обучающихся агентов из выпуска весны 1943 г. в спецшколе в г. Спас-Деменске составляли женщины и девушки⁵². 2 апреля 1943 г. из Пустошки в партизанские отряды псковщины и витебщины направили 170 диверсантов и шпионов, окончивших месячные курсы. Большинство из них были женщины⁵³. В августе 1943 г. состоялся выпуск 20 агентов девушек из «школы шпионажа» в Опочке. Они получили задачу внедриться в партизанские соединения и собирать данные разведывательного характера⁵⁴. «Агенты в юбках» также готовились и на территории Украины⁵⁵. Помимо вышеназванных школ по подготовке детей-диверсантов на территории Беларуси и Украины, аналогичные учебные центры действовали

и на территории РСФСР — в Мценске, Ржеве, Пскове⁵⁶. Так, в одном из партизанских отрядов в 1943 г. разоблачили несовершеннолетнего агента, который окончил учебный центр немецкой разведки в Демидово и был направлен в леса с задачей выявления партизанских лагерей⁵⁷.

По приблизительным данным, за годы оккупации немецкие спецслужбы подготовили и обучили более 2 тыс. несовершеннолетних диверсантов. Количество женщин-агентов составляло приблизительно 25–30 % от общего количества вербуемых (процент зависел от географического и других факторов).

Отметим также другие категории гражданского населения, которые привлекались к разведработе немецкими спецслужбами. Важным звеном в системе административного управления были бургомистры, солтысы, войты, старосты и другие представители низовой администрации. С лета 1941 г. немецкие спецслужбы активно задействовали их в разведывательной работе в качестве шпионов, а иногда и в качестве резидентов⁵⁸.

В архивных документах имеется ряд указаний на то, что немцы привлекали к разведывательной работе уголовный элемент. В одном из документов указывалось: «Немцы продолжают массовую засылку своих агентов на нашу территорию. База для их вербовки — это наши пленные, местные жители из числа настроенных антисоветски и уголовные и аморальные элементы»⁵⁹. В инструкциях, рапортах, отчетах и донесениях партизанских соединений и чекистских спецгрупп сообщалось, что в разведшколы активно принимаются люди, имеющие уголовное прошлое, а также бродяги и преступники⁶⁰, «набор в школы в основном производится из уголовного элемента и рецидивистов для того, чтобы лишить партизан возможности проверки их данных»⁶¹.

Активно привлекались к разведывательно-диверсионной деятельности и представители некоторых профессий. Анализ архивных документов позволяет говорить о том, что в первую очередь задействовали лесников и егерей⁶², так как знание лесов и умение в них ориентироваться использовалось оккупантами для разведки партизанских стоянок и баз⁶³.

Систематически использовались в шпионской работе медицинские работники (врачи, медсестры, ветеринары)⁶⁴. В партизанской бригаде им. Чкалова была разоблачена крупная шпионская группа, куда входило несколько врачей, являвшихся и резидентами и связниками⁶⁵. В сентябре 1943 г. из Новгород-Волынского в партизанские отряды направили 46 врачей и фельдшеров с задачей массового отравления партизан⁶⁶.

Подведем итог. На Восточном фронте немецкие спецслужбы открыли сеть разведывательно-диверсионных учебных центров. Традиционно в советской и современной российской историографии приводятся данные о том, что на территории СССР было открыто «60 различных школ для подготовки агентуры»⁶⁷. Вместе с тем по последним исследованиям установлено, что на территории БССР действовало более 60 школ и курсов, на Украине — около 30, в России — от 20 до 30 и в Прибалтике — около 20⁶⁸. Таким образом, общее количество подготовительных центров, открытых на территории СССР, составляет более 130.

Для подготовки агентуры немецкие спецслужбы широко задействовали гражданское (невоенное) население оккупированных областей СССР, в первую очередь людей, находившихся в активной и пассивной оппозиции к советской власти, а также наиболее уязвимые категории граждан — женщин и детей. Они привлекались для борьбы с движением Сопротивления, однако некоторая часть агентов забрасывалась в тыл СССР и части Красной армии. Эффективность работы этой части немецкой агентуры была невысокой. Имели место отдельные успешные акции разведывательного и диверсионного характера, однако со стратегической точки зрения работа немецкой разведки потерпела крах.

¹ См., напр.: В поединке с абвером / отв. ред. Д. П. Носырев. Л., 1974; *Коровин В. В.* Участие органов государственной безопасности в осуществлении функции обороны страны // Советское государство и право. 1975. № 5. С. 53–60; *Белоусов М. А.* Об этом не сообщалось...: Записки армейского чекиста. М., 1984; *Соловьев А. К.* Они действовали под разными псевдонимами... Минск, 1994; *Коровин В. В.* Поединки с абвером // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 31–36; *Шарков А. В.* Органы внутренних дел Беларуси в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Минск, 2009.

² См., напр.: *Пономаренко П. К.* Борьба советского народа в тылу врага // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 26–36; *Мачульский Р.* Страницы бессмертия. Минск, 1972; *Калинин П. З.* Партизанская республика. Минск, 1973; *Касаткин М. А.* В тылу немецко-фашистских армий «Центр». М., 1980; *Киселев В. К.* Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944. Минск, 1980; *Старожилов Н. В.* Партизанские соединения Украины в Великой Отечественной войне. Киев, 1983; Военные грозы над Полесьем / [Д. Ф. Романов, А. И. Павлов, И. В. Хирный и др.]. Киев, 1985.

³ См., напр.: *Чуев С. Г.* Разведывательные и диверсионные школы абвера // Военно-исторический архив. 2002. № 9. С. 94–124; № 11. С. 122–146; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6: Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013; *Иванков А. В.* Агентурные кадры немецко-фашистской разведки и использовавшиеся ею формы и методы подрывной деятельности против СССР. Киев, 2010; *Поляков В. Е.* Партизанское движение в Крыму в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2. С. 88–100. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2016.207>.

⁴ Только на территории современной Польши в период с октября 1939 по июнь 1941 г. действовали спецшколы и курсы по подготовке немецкой агентуры в Кракове, Кринице (120 км юго-восточнее Кракова), Дукле (125 км юго-восточнее Кракова), Барвинеке (15 км южнее Дукли), Каменице (50 км севернее Дукли), Щецине, Закопане, Влодаве, Варшаве. См. об этом: *Кулинок С. В.* Подготовка немецкой разведывательно-диверсионной агентуры на территории Польши для действий против СССР в 1939–1944 гг. (по материалам Национального архива Республики Беларусь) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok. 2018. No. 50. S. 144–158.

⁵ См., напр.: Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16 851. Л. 1–12; Д. 16 871. Л. 223–234; Д. 18 372. Л. 139–146.

⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов: в 8 т. Т. 1, кн. 1: ноябрь 1938 — декабрь 1940 г. М., 1995. С. 108; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14 616. Л. 140–163.

⁷ *Иванков А. В.* Агентурные кадры немецко-фашистской разведки... С. 8–11, 13.

⁸ Приводится по: *Надтачаев В. Н.* Противоборство спецслужб // Неман. 2011. № 9. С. 204.

⁹ *Семиряга М. И.* Преступление века. М., 1971. С. 38.

¹⁰ Подробнее см.: *Бухгайт Г.* Абвер — щит и меч III рейха. М., 2003; «Смерш»: исторические очерки и архивные документы / под ред. В. В. Христофорова. М., 2003; *Чуев С. Г.* Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 1–2. СПб., 2003; *Иоффе Э. Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия

и тактика. 1939–1945 гг. Минск, 2007; Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны / сост. А. В. Валякин, А. А. Кохан. Симферополь, 2011; и др.

¹¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 371.

¹² Приводится по: Плеханов А. М., Плеханов А. А. Солдаты незримых сражений. М., 2015. С. 305.

¹³ Приводится по: Белик И. К. Немецкая разведка является довольно сильным противником // Исторический архив. 2000. № 5. С. 28.

¹⁴ Приводится по: Пастушенко Т. Дослідження проблеми радянських військовополонених у Другій світовій війні: погляд через призму історії посвячення // Сторінки воєнної історії України / відп. ред. О. Лисенко. Вип. 14. Київ, 2011. С. 37, 42.

¹⁵ Леверкюн П. Германская военная разведка. М., 2011. С. 176–177.

¹⁶ См. об этом: Козак К. И. Женщины Германии и Беларуси в войне: социализация образа и его восприятие // Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання / адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. Мінск, 2006. С. 34–36.

¹⁷ Приводится по: Бездзель В. Я. Дзеці акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944). Віцебск, 2013. С. 188.

¹⁸ Подробнее см.: Красноженова Е. Е., Кулик С. В. Социально-экономическое регулирование пространства детской повседневности в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Вопросы истории. 2019. № 5. С. 120–129.

¹⁹ См. об этом: Нікалаева І. У. Нямецка-фашысцкая палітыка ў адносінах да мясцовых жанчын на акупаванай тэрыторыі Беларусі // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў / адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. Мінск, 2004. С. 89.

²⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33. Д. 197. Л. 85.

²¹ Там же. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 449. Л. 94–97; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57. Л. 433–436.

²² Там же. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60. Л. 30 об.–31, 137–137 об.

²³ Там же. Д. 1298. Л. 2.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 888. Л. 298; Ф. 1450. Оп. 1. Д. 940. Л. 259.

²⁵ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2, кн. 2. С. 383–384; Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 1. С. 345–350; Абрамов В. Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М., 2005. С. 334–335.

²⁶ Ковалев Б. Н. Формы коллаборационизма несовершеннолетних на оккупированной территории России (1941–1944 гг.) // История государства и права. 2010. № 5. С. 16–17.

²⁷ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 3, кн. 1. С. 142–143.

²⁸ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 5. Л. 114–115; Д. 6. Л. 61–62.

²⁹ Там же. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 38. Л. 59 об.

³⁰ Кубаткин П. Н. Разоблачить происки фашистской разведки. М., 1942. С. 10–12.

³¹ Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 8–34.

³² Пономаренко П. К. Партизанское движение в Великой Отечественной войне. М., 1943. С. 57.

³³ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 58. Л. 66.

³⁴ Там же. Д. 57. Л. 365; Д. 56. Л. 61–63.

³⁵ Там же. Д. 57. Л. 286–297.

³⁶ См. подробнее: Krasnozhenova E. E., Kulik S. V. The problems of Economic Development of the Cities of the Russian Province in 1941–1945 (on the Materials of the Lower Volga Region) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 272 (3). Art. no. 032168.

³⁷ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56. Л. 120; Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войны. Т. 3, кн. 1. С. 142; Кулинок С. В. Дети — диверсанты немецких спецслужб // Беларуская думка. 2015. № 10. С. 80–86.

³⁸ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4. Л. 129–130; Д. 857. Л. 37 об.

³⁹ Там же. Оп. 2. Д. 36. Л. 16–17.

⁴⁰ Там же. Д. 61. Л. 231.

- ⁴¹ Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 25. Л. 247.
- ⁴² Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / сост. Н. Т. Панчишкин и др. Краснодар, 1997. С. 165.
- ⁴³ НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 28. Л. 156–157 об.; Ф. 1450. Оп. 21. Д. 26. Л. 205–205 об.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 178. Л. 25–25 об.; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 920. Л. 292.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 10. Л. 255.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 206. Л. 110; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 237. Л. 12.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 216. Л. 36.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 940. Л. 337.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 2. Д. 57. Л. 417.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 21. Д. 3. Л. 113.
- ⁵¹ См. подробнее: Кулинок С. В. Дети — диверсанты немецких спецслужб. С. 84–85.
- ⁵² НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53. Л. 11–11 об.
- ⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 857. Л. 50.
- ⁵⁴ Там же. Л. 141–142.
- ⁵⁵ См. об этом: Веденеев Д. В., Лисенко О. Е. Протидія радянських спецслужб німецьким розвідці й контррозвідці на території України в 1941–1944 рр. // Український історичний журнал. 2015. № 1. С. 69–91.
- ⁵⁶ См. об этом: Ковалев Б. Н. Формы коллаборационизма несовершеннолетних... С. 15–21.
- ⁵⁷ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 886. Л. 23.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 2. Д. 61. Л. 23–24.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 197. Л. 88–90; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1329. Л. 93–95.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1305. Л. 24–25; Д. 1311. Л. 64–66 об.
- ⁶¹ Там же. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1183. Л. 4.
- ⁶² Там же. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53. Л. 22.
- ⁶³ Государственный архив Минской области. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 210. Л. 69 об.; Д. 213. Л. 5 об.
- ⁶⁴ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 178. Л. 33; Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 66. Л. 352–353.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 64. Л. 4.
- ⁶⁷ Остряков С. З. Военные чекисты. М., 1979. С. 155; Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 537.
- ⁶⁸ Кулинок С. В. Немецкие разведывательно-диверсионные школы на территории СССР в годы Великой Отечественной войны: количественные и региональные характеристики // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Вып. 17 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) і інш. Мінск, 2019. С. 127–128.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2020 г.

Рекомендована в печать 19 мая 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Красноженова Е. Е., Кулинок С. В. К вопросу об использовании немецкой разведкой гражданского населения СССР в 1941–1944 годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 609–621. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.304>
УДК 94(47).084.8

Аннотация: В 1941–1944 гг. немецкие оккупационные и разведывательные службы создали на оккупированных территориях СССР разветвленную сеть учебных центров (школ и курсов) для подготовки своей агентуры. В основном к разведывательно-диверсионной работе привлекались советские военнопленные, однако значительное количество агентов было завербовано из числа гражданского (невоенного) населения. В первую очередь задействовались лица, находившиеся в активной или пассивной оппозиции к советской власти: бывшие эмигранты, репрессированные, раскулаченные, идейные противники, уголовники и др. Вместе с тем значительное количество агентов вербовалось из мирного

населения, оставшегося на оккупированных территориях, особенно из самых незащищенных его категорий — женщин и детей. Уже в августе 1941 г. в деревне Кремное (Гомельская область) открылись первые на Восточном фронте краткосрочные курсы по подготовке детей-диверсантов. Завербованных агентов использовали для выполнения разведывательно-диверсионных заданий, как в тылу СССР и частях Красной армии, так и против движения Сопротивления на оккупированных территориях (для борьбы с партизанским движением и городским подпольем). Только на занятой немцами территории БССР открылось 16 учебных центров, где готовили детей-диверсантов, и более 20, где обучали «агентов в юбках». Аналогичные школы и курсы создавались на территории России, Украины и Прибалтики. Советские спецслужбы и органы партизанской контрразведки были хорошо информированы о такой работе немецких секретных органов. Эффективность работы агентов, подготовленных из числа гражданского населения, оставалась невысокой. Имели место отдельные тактические успехи и акции агенты противника (особенно накануне и в период проведения карательных операций), но в стратегическом отношении эта работа немцев фактически провалилась.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, вербовка, Германия, оккупация, партизанское движение, разведывательно-диверсионная школа, СССР, гражданское население, дети.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00004; № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.»

Сведения об авторах: Красноженова Е. Е. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия); eleena@inbox.ru | Кулинок С. В. — канд. ист. наук, зав. отделом публикаций, Национальный архив Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь); svkulinok@tut.by

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

Национальный архив Республики Беларусь, Республика Беларусь, 220114, Минск, пр. Независимости, 116

FOR CITATION

Krasnozhenova E. E., Kulinok S. V. 'On the Question of Using the Civilian Population of the USSR by German Intelligence in 1941–1944', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 3, 2020, pp. 609–621. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.304> (In Russian)

Abstract: During 1941–1944 the German occupation and intelligence services created an extensive network of training centers (schools and courses) in the occupied territories of the USSR. Mostly Soviet prisoners of war were involved in reconnaissance and sabotage work, although a significant number of agents were recruited from the civilian (non-military) population. First, people who were in active or passive opposition to the Soviet regime were attracted: former emigrants, those repressed or dispossessed, ideological opponents, criminals, and others. At the same time, a significant number of agents were recruited from the civilian population who remained in the occupied territories, especially from its most vulnerable categories (women and children). The recruited agents were used to carry out reconnaissance and sabotage missions, both in the rear of the USSR and in parts of the Red Army, and against the resistance movement. On the territory of the BSSR occupied by the Germans, sixteen training centers were opened where saboteur children were trained, and more than twenty were opened to train "agents in skirts". Similar schools and courses were opened in Russia, Ukraine, and the Baltic states. The Soviet secret services and partisan counterintelligence bodies were well informed about such work of the German secret organs. The performance of agents trained from among the civilian population was low. There were some tactical successes and actions by enemy agents (especially on the eve and during the period of punitive operations), but strategically this work by the Germans actually failed.

Keywords: Great Patriotic war, recruitment, Germany, occupation, partisan movement, intelligence school, USSR.

The research was supported by RFBR and BRFB, project no. 20-59-00004; no. G20R-287 "People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941–1944".

Authors: *Krasnozhanova E. E.* — Dr. Sci. in History, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia); eelena@inbox.ru | *Kulinok S. V.* — PhD in History, Chief of the Documents Publication Department, National Archives of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus); svkulinok@tut.by

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, ul. Polytekhnicheskaya, St. Petersburg, 195251, Russia

National Archives of the Republic of Belarus, 116, pr. Nezavisimosti, Minsk, 220114, Republic of Belarus

References:

- "Smersh": *historical essays and archival documents*, ed. by V. S. Khristoforov (Moscow, 2003). (In Russian)
- Abramov V. *Smersh. Soviet military counterintelligence against intelligence of the Third Reich* (Moscow, 2005). (In Russian)
- Belik I. K. 'German intelligence is quite strong opponents', *Istoricheskii arkhiv*, no. 5, 2000. (In Russian)
- Belousov M. A. *This was not reported...: Notes of the army security officer* (Moscow, 1984). (In Russian)
- Bezdel V. Ya. *Children of the occupied territory of Belarus (1941–1944)* (Vitebsk, 2013). (In Belarussian)
- Buchheit G. *Abwehr — shield and sword of the III Reich* (Moscow, 2003). (Rus. ed.)
- Chuev S. G. 'Abwehr intelligence and sabotage schools', *Voenno-istoricheskii arkhiv*, no. 9, 2002. (In Russian)
- Chuev S. G. 'Abwehr intelligence and sabotage schools', *Voenno-istoricheskii arkhiv*, no. 11, 2002. (In Russian)
- Chuev S. G. *Special Services of the Third Reich*, Books 1–2 (St. Petersburg, 2003). (In Russian)
- In a duel with the Abwehr*, ed. by D. P. Nosyrev (Leningrad, 1974). (In Russian)
- Ioffe E. G. *Abwehr, security police and SD, secret field police, department "Foreign armies — East" in the western regions of the USSR. Strategy and Tactics. 1939–1945* (Minsk, 2007). (In Russian)
- Ivankov A. V. *Undercover cadres of German fascist intelligence and the forms and methods of subversion used by it against the USSR* (Kiev, 2010). (In Russian)
- Kalinin P. Z. *Partisan republic* (Minsk, 1973). (In Russian)
- Kasatkin M. A. *Behind the rear of the Nazi armies "Center"* (Moscow, 1980). (In Russian)
- Kiselev V. K. *Partisan intelligence. September 1943 — July 1944* (Minsk, 1980). (In Russian)
- Korovin V. V. 'Fights with Abwehr', *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 1, 1995. (In Russian)
- Korovin V. V. 'The participation of state security agencies in the exercise of the country's defense function', *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 5, 1975. (In Russian)
- Kovalev B. N. 'Forms of juvenile collaboration in the occupied territory of Russia (1941–1944 gg.)', *Istoriia gosudarstva i prava*, no. 5, 2010. (In Russian)
- Kozak K. I. 'Women of Germany and Belarus in the war: the socialization of the image and its perception', *Zhanchiny u Drugoi susvetnai vaine: gistoriia baratsby i vyzhyvannia*, eds V. F. Balakirau, K. I. Kozak (Minsk, 2006). (In Russian)
- Krasnozhanova E. E., Kulik S. V. 'Socio-economic regulation of the space of children's everyday life in the conditions of the Great Patriotic War (based on materials from the Stalingrad region)'. *Voprosy istorii*, no. 5, 2019. (In Russian). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi04>.
- Krasnozhanova E. E., Kulik S. V. 'The problems of Economic Development of the Cities of the Russian Province in 1941–1945 (on the Materials of the Lower Volga Region)'. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 272 (3), art. no. 032168, 2019. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/272/3/032168>.
- Kuban ChK: Kuban's State Security Bodies in Documents and Memoirs*, eds N. T. Panchishkin et al. (Krasnodar, 1997). (In Russian)
- Kubatkin P. N. *Expose the machinations of fascist intelligence* (Moscow, 1942). (In Russian)
- Kulinok S. V. 'German intelligence and sabotage schools on the territory of the USSR during the Great Patriotic War: quantitative and regional characteristics', *Belarus' i Germaniia: gistoriia i suchasnasts'*, iss. 17, ed. by A. A. Kavalenia et al. (Minsk, 2019). (In Russian)
- Kulinok S. V. 'Children saboteurs of the German special services', *Belaruskaia dumka*, no. 10, 2015. (In Russian)
- Kulinok S. V. 'Preparation of German intelligence and sabotage agents in Poland for operations against the USSR in 1939–1944 (Based on materials from the National Archive of the Republic of Belarus)', *Bialoruskie Zeszyty Historyczne*, no. 50, 2018. (In Russian)
- Leverkuehn P. *German military intelligence* (Moscow, 2011). (Rus. ed.)

- Machulskiy R. *Pages of immortality* (Moscow, 1972). (In Russian)
- Military storm over the Polessie*, Eds D. V. Romanov, A. I. Pavlov, I. V. Khirnyi (Kiev, 1985). (In Russian)
- Nadtachaev V. N. 'The confrontation of special services', *Neman*, no. 9, 2011. (In Russian)
- Nikalaeva I. U. 'German-fascist policy towards local women in the occupied territory of Belarus', *Drugaja susvetnaia vaina: novyia aspekty dasledvanniau*, eds V. F. Balakirau, K. I. Kozak (Minsk, 2004). (In Belarussian)
- Ostriakov S. Z. *Military security officers* (Moscow, 1979). (In Russian)
- Pastushenko T. 'The study of the problem of Soviet prisoners of war in the Second World War: a look through the prism of the history of everyday life', *Storinki voennoi istorii Ukraini*, ed. by O. Lisenko, iss. 14 (Kiev, 2011). (In Ukrainian)
- Plekhanov A. M., Plekhanov A. A. *Soldiers of the invisible battles* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Polyakov V. Y. 'The partisan movement in Crimea during the Great Patriotic War', *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2. History*, iss. 2, 2016. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2016.207>.
- Ponomarenko P. K. 'The struggle of the Soviet people behind enemy lines', *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 4, 1965. (In Russian)
- Ponomarenko P. K. *Partisan movement in the Great Patriotic War* (Moscow, 1943). (In Russian)
- Semiriaga M. I. *Collaborationism. Nature, typology and manifestations during the Second World War* (Moscow, 2000). (In Russian)
- Semiriaga M. I. *Crime of the Century* (Moscow, 1971). (In Russian)
- Sharkov A. V. *The internal affairs bodies of Belarus in the Great Patriotic War of 1941–1945* (Minsk, 2009). (In Russian)
- Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Publication of New Documents as an Important Factor in the Further Study of the Defense and Blockade of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.101>.
- Solovyev A. K. *They acted under different pseudonyms...* (Minsk, 1994). (In Russian)
- Starozhilov N. V. *Partisan formations of Ukraine in the Great Patriotic War* (Kiev, 1983). (In Russian)
- The structure and activities of German intelligence agencies during World War II*, eds A. V. Valyakin, A. A. Kokhan (Simferopol, 2011). (In Russian)
- Vedeneev D. V., Lisenko O. E. 'Counteraction of the Soviet special services to German intelligence and counterintelligence in Ukraine in 1941–1944 rr.', *Ukrainskii istorichnyi zhurnal*, no. 2, 2015. (In Ukrainian)

Received: April 30, 2020

Accepted: May 19, 2020